

DOI 10.25991/VRHGA.2021.22.2.001

УДК 161.13+82-1/-9

*Л. В. Спиридонова**, *А. В. Курбанов***

**САТИРА ФЕОДОРА ПРОДРОМА
«ПРОТИВ ДЛИННОБОРОДОГО СТАРЦА,
СЧИТАЮЩЕГО СЕБЯ ОТ ЭТОГО МУДРЫМ»*****

Настоящая публикация призвана познакомить исследователей с малоизвестной сатирической поэмой Феодора Продрома «Против длиннобородого старца, считающего себя от этого мудрым». В этом сочинении автор высмеивает некое неграмотного и вонючего бородача, который выдавал себя за философа. Мы представим анализ этого византийской текста, а также его русский перевод. При внимательном знакомстве с этой сатирой обнаруживается, что Феодор Продром использовал, следуя Лукиану, популярный мотив псевдофилософов, которые носили длинные бороды в качестве знака своей учености и высокой духовности.

Ключевые слова: Феодор Продром; Против длиннобородого старца, считающего себя от этого мудрым; Лукиан; византийская сатира.

L. V. Spyridonova, A. V. Kurbanov
AGAINST AN OLD MAN, WHO THINKS HIMSELF WISE BECAUSE
OF HIS LONG BEARD BY THEODORE PRODROMOS

This paper presents the satirical text *Against an old man, who thinks himself wise because of his long beard* by Theodore Prodromos which appears to have received hardly any scholarly attention. In this text, the author attacks an illiterate and stinking bearded who pretended to be a philosopher because of his goaty beard falling down to his belt. We will present an analysis of this Byzantine humorous text accompanied with its translation into Russian and commentary. A closer reading of the text suggests that Prodromos, following to Lucian, reproduced the popular motif of such characters whose beards are described as philosophical.

* Спиридонова Лидия Валентиновна, кандидат исторических наук; lydia.spyridonova@gmail.com

** Курбанов Андрей Викторович, кандидат исторических наук; andrey.kurbanov@gmail.com

*** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00207.

Keywords: Theodore Prodromos; *Against an old man, who thinks himself wise because of his long beard*; Lucian; Byzantine satire.

Barba non facit philosophum, neque vile gerere pallium

Небольшое шуточное произведение «Против длиннобородого старца, считающего себя от этого мудрым» относится к тем сатирическим поэмам, дошедшим до нас под именем Феодора Продрома, чья принадлежность самому Феодору Продрому не вызывает ни малейшего сомнения. Об этом говорят как многочисленные лексические параллели с другими его сочинениями (например, с «Ксенедемом», «Филоплатоном», «На сластолюбивую старуху» и с «Продажей жизнью»), так и характерная для творчества Феодора Продрома особая подспудная похвала Платону, составленная в данном случае в таком же стиле, что и подобные платофильские энкомии в его «Ксенедеме» и «Филоплатоне».

По всей видимости, именно об этой своей поэме, написанной традиционным для того времени двенадцатисложником, Феодор Продром говорит в письме, адресованном орфанотрофу Алексею Аристину, в котором сообщает, что сам некогда потешался над «философскими бородами». Здесь необходимо пояснить, что это признание было сделано сразу после того, как Феодор Продром с трудом вылез из оспы, одним из последствий которой явилось полное облысение головы и превращение бороды в козлиный пучок. О своей прежней бороде в письме он рассказывал так:

ἕως μὲν ἀγαθῶς εἶχε μοι τὰ περὶ τὸ σῶμα καὶ ἀβρῶς μὲν ἢ θριξ ἔσταλτο καὶ κομψῶς, συμμέτρως δὲ καὶ οὐ κατὰ φιλοσόφους καθεῖτο τὸ γένειον, πλατὺν μυκτῆρα τῶν ἐν τούτοις δυστυχούντων κατέχεον· οὐκ ἔστι γὰρ ὅς με φαλακρὸς οὐκ εὐθὺς ἰδῶν ἰλιγγίασεν· οὐκ ἔστι δὲ ὅς μοι βαθυπῶγων περιτυχῶν οὐκ ἤξαστό οἱ χανεῖσθαι τὴν γῆν (PG 133, 1253).

В то время, когда тело мое было в добром состоянии, и волосы были убраны аккуратно и изящно, а борода ниспадала у меня симметрично, не как у философов, я громко смеялся над теми, кому не повезло с произрастанием волос, ведь не было такого плешивого, у которого не кружилась бы голова, как только он видел меня, и не было такого обросшего бородача, который бы, встретившись со мною, не хотел бы провалиться сквозь землю.

Однако затем, как говорит в письме сам Продром, с ним произошли страшные события, в результате чего у него выросла козлиная борода (и стала она даже и благоухать козлом, точно так же как у героя его сатиры), и он ничего не мог с этим сделать. Вот как он описывает свое горе:

Αἰ μὲν γάρ μοι τρίχες, ὡς ἐπίπαν κατερῤῥήκεσαν, καὶ, ὡς ἐν μετοπώρῳ, τὸν οἰκεῖον κόσμον ἢ κεφαλὴ ἀπεσκεύασται· ὁ δὲ πῶγων, ὡς ἐν ἀκμαίῳ τῷ ἔαρ, τέθηλε, καὶ, κατὰ τοὺς τοῦ Ἀλκινόου κήπους· ἀγῆρω τὴν ἄνθην, οὐκ εὐτυχῶς εὐτυχεῖ, οὐκ ὄχνην ἐπ' ὄχνη, οὐδ' ἐπὶ σύκῳ σύκον (cf. *Odyssey* 120–121) προβεβλημένος, ἀλλὰ τρίχας ἐπὶ θριξίν, ἀδράς ἐφ' ἀδρῶν, καὶ ἐπὶ κινάυρα κινάυραν ἀνθηφορῶν. Τίς οὖν, εἰπέ, σχετλιώτερος ἡμῶν, θεσπέσιε δέσποτα; ὧν ὑπέρω μὲν ἢ κεφαλῇ, λόχημι δὲ τὸ γένειον ἔοικε (PG 133, col. 1252).

И хотя все волосы мои до единого выпали, и голова моя словно поздней осенью сняла с себя привычное ей украшение, борода же моя, напротив, бурно шла в рост как будто в самом расцвете весны и цвела, не уведая, подобно садам Алкиноя. Но, к несчастью, с нее начали падать не груша за грушей, и не смоква за смоквой, а волос за волосом, клочок за клочком, и зацвела она козлом пуще козла. Кто же может быть несчастнее меня, скажи, досточтимый владыка? Голова моя превратилась в голый пестик, а щеки стали лохматыми зарослями.

В другой части письма Феодор Продром продолжает смеяться над собой, отождествляя себя с Синесием, воспевающим лысину в «Похвале лысине», и Юлианом Отступником, который написал известный псогос на длиннобородых, будучи сам бородатым (см. об этом [8]).

νῦν δέ, εἰς ἐμέ τοῦ τῆς ἀσχημοσύνης κύβου μεταρριφθέντος, οὐ περιμείνας τοὺς ἐξ ἄλλων λεσχασμοὺς καὶ τὰς βλασφημίας, ἑαυτὸν αὐτὸς καθ' αὐτοῦ κατήγορον ἴστημι· καὶ τῆς ἐμῆς ἐμφορεῖσθαι χλεύης τοῖς ἐθέλουσι δίδωμι. Καίτοι καὶ Συνέσιον οἶδα τὴν φαλάκραν καλλωπιζόμενον· καὶ Ἰουλιανόν γε οὐκ ἄγνοῶ τὸν οἰκείον, ὡς ἐν προσχίματι ψόγου, σεμνύμαντα πάγωνα (PG 133, col. 1253).

Теперь же, с тех пор как на меня обрушилось это безобразное бремя, я не ожидаюсь, когда другие станут поносить меня и бранить, но сам себя обвиняю и сам себя выдаю желающим потешаться надо мною. Ведь и Синесий, как мне известно, гордился лысиной, и Юлиан, в чем я уверен, под видом псогоса, на самом деле, возвеличил свою собственную бороду.

В контексте данного письма становится очевидным, что Феодор Продром совсем не выступает против бородатости, ставшей нормой в Византии [3, р. 46–47; 9, р. 47; 12]. Наоборот, красивая и ухоженная борода, как мы узнаем из письма, вызывала зависть у византийцев и впоследствии у самого облысевшего автора сатиры. Отсюда становится очевидным, что в рассматриваемой нами шутовской поэме Феодор Продром высмеивает не бородачей, а лже-философов, а также пародирует саму идею, что неприятный и неухоженный вид свидетельствует о некоей духовности и интеллекте. Таким образом, это произведение скорее иллюстрирует собой известную античную мудрость «Barba non facit philosophum», что аналогично по смыслу позднейшей пословице «Habitus non facit monachum». Как известно, высмеивание философской бороды являлось неким топосом в античной литературе (см.: [11, р. 16; 13, р. 76]), но прежде всего эта тема раскрылась в сатирах Лукиана. Высмеивая лжефилософа, Феодор Продром в рассматриваемой нами поэме также черпает вдохновение из творчества Лукиана, впрочем, как и во всех других своих лукиановых сатирах, где издевательства над псевдоинтеллектуалами составляют основу произведения: «Неучу, который покупал много книг», «Учитель красноречия», «Лексифан, или Краснобай», «Диалоги в царстве мертвых», и другие сочинения), лукиановские «философы» появляются у него и в «Ксенедеме», и в «Филоплатоне», и в «Неуче», и в «Продаже жизнью». Безусловно, под собирательным образом псевдофилософа в сочинениях Феодора Продрома имелись в виду не собственно философы, а скорее школьные учителя и риторы, которых в это время и называли философами [4, особенно на с. 202,

где речь идет о Феодоре Продроме]. По всей видимости, все эти сатиры были обращены на конкурентов Феодора Продрома — тех константинопольских учителей, которые подобным видом пытались создать иллюзию обладания знанием вместо того, чтобы стремиться получать эти самые знания.

Поэма «О длиннобородом старце» сохранилась, как минимум, в семи рукописях:

Н — Гайдельберг, *Universitätsbibliothek Heidelberg*, Palatinus graecus 43 (XIV в.),

Ν — Неаполь, *Biblioteca nazionale Vittorio Emanuele III*, II D4 (XIV в.), f. 95^v-96^v,

Р — Париж, *Bibliothèque nationale de France*, Parisinus graecus 2831 (XIII в.), f. 159^r-160^r,

V — Ватикан, *Biblioteca Apostolica Vaticana*, Vaticanus graecus 305 (XIII в.), f. 100^r-101^r,

A — Афон, Ивирон 165= 4285 (XV), f. 224^v,

O — Вена, *Österreichische Nationalbibliothek*, Vindobonensis philologicus graecus 306 (XVI в.), f. 16^r-18^v,

M—Мюнхен, *Bayerische Staatsbibliothek*, Monacensis graecus 281 (XVI в.), f. 161^r-163^v.

Впервые эта поэма была издана Ж. Буассонадом в IV томе «*Anecdota graeca*» [2, р. 430–435] по **Р**. Впоследствии Розарио Анастаси издал коляциии к этому тексту, сделанные на основании **PMO** [1], что позволило ему несколько улучшить текст. Роберто Романо в «*La satira bizantina dei secoli XI–XV*», используя коляциии Р. Анастаси, издал сам текст [10, р. 290–297]. Наконец, Томмазо Мильборини в своей диссертации «*Gli scritti satirici in greco letterario di Teodoro Prodromo*» [7, р. 19–28] учтл все известные в настоящее время рукописи.

Мы представляем ниже текст этого последнего издания без всего аппарата и наш перевод с комментарием. Вместо указания на все разночтения, которые превышают в разы объём самого текста, мы решили рассмотреть только те места, которые вызывают сомнения у издателей и комментаторов.

Строчка 64:

καὶ τὴν γρῦ φωνὴν ἀγνοῶν λόγος λέγει

В данном месте ни одна из рукописей не дает понятного чтения.

καὶ τὴν γρῦ φωνὴν ἀγνοῶν λόγος λέγει **N, V, P** (издания J. Boissonade, T. Migliorini)

[...] φωνὴν ἀ[...]ῶν [...]ὸς λέγει **H**

καὶ τὴν γρῦ φωνὴν ἀγνοῶν ὄλως λέγει **O, M** (издания R. Anastasi, R. Romano).

καὶ τὴν γρῦ φωνὴν οὐ νοῶν λόγος λέγει *Anthologia Graeca*

Текст Т. Мильборини, который мы приводим, имеет чтение **NVP**, что предполагает, согласно предыдущим исследователям, существование некой известной пословицы или выражения, вводимой словами 'λόγος λέγει'. Т. Мильборини, вслед за Ж. Буассонадом, предположил, что здесь имеется в виду строчка из «Плутоса» Аристофана: καὶ ταῦτ' ἀλοκρινόμενος τὸ παράπαν οὐδὲ

γρῦ (*Ploutos* 17). Однако в этом месте схолий учащимся объясняется словоупотребление сочетания ‘οὐδὲ γρῦ’, которое было достаточно употребительным в византийской литературе, о чем свидетельствуют его 102 вхождения в корпус TLG. В любом случае в корпусе не зафиксировано употребление γρῦ в составе пословицы, кроме выражения ‘τὸ Δίωνος γρῦ’, которое при этом совершенно не подходит по смыслу к рассматриваемой нами фразе.

Кроме того, многочисленные вхождения ‘λόγος λέγει’ в корпус TLG (77 раз) показывают, что оно не использовалось для указания на цитирование пословицы, а скорее употреблялось для передачи слов Св. Писания, молвы или для отсылки к общеизвестному знанию.

Как нам представляется, в данном случае Феодор Продром рассказывает читателю анекдот о беглом рабе-псевдофилософе с густой неаккуратной бородой и словами ‘λόγος λέγει’ сообщает, что этот образ уже должен быть знаком читателю, поскольку он является центральным в сатире Лукиана «Беглые рабы».

Строчки 81–83:

καὶ τοῖς μαθηταῖς τοῦσδε τοὺς λόγους ἔφη·
εἰ σήμερον ζῶσαιτο καὶ ζωσθεὶς λέγοι,
οὐ τοῦ χθὲς ἄν Πλάτωνος ἔσται βελτίων·

В древнегреческом языке указательное местоимение ὅδε аннотирует то, что будет сказано в ближайшей фразе, поэтому вместе с глаголами говорения оно обычно вводит прямую речь. Постановка всеми издателями современного знака греческого колона (выполняющего функции двоеточия) после ἔφη предполагает, что издатель вложил в уста самого Платона следующую за ним фразу, что совершенно абсурдно по смыслу (в данном случае речь идет исключительно об издательском толковании текста, а не рукописном наследии, т. е. издатели ввели знаки современной греческой пунктуации и расставили их на свое усмотрение). Несмотря на явную невозможность подобной конструкции, А. Романо [10, р. 295], Я. Кухарский и П. Марциняк [5, р. 51] считают, что речь идет о неизвестном анекдоте про Платона, и даже смогли как-то осмыслить получившуюся фразу. Конечно, можно предположить, что в данном месте просто пропала строчка, но, безусловно, намного более вероятно, что указательное местоимение ὅδε здесь не вводит прямую речь и не подразумевает нечто неизвестное еще читателю (для текста XII в. это совершенно неудивительно). Без колона мысль Феодора Продрома становится совершенно понятна: он говорит о том, что вчера Платон, будучи философом, ходил без пояса, завернувшись в гиматий, и произносил таковые речи, и даже если бы он сегодня препоясался бы и препоясанный стал бы говорить, то речи сегодняшнего Платона из-за того, что он препоясался, не были бы лучше речей вчерашнего.

1. Κατὰ μακρογενίου γέροντος δοκοῦντος εἶναι διὰ τοῦτο σοφοῦ
2. Ἰαταταιὰξ τῆς ἀδρᾶς γενειάδος
3. ὅση καθεῖται μέχρι τοῦ προκολπίου
4. τῷ πεμπέλῳ γέροντι σαπρῷ Θουκρίτῳ.
5. Ἰαταταιὰξ τῆς κινάβρας, τοῦ γράσου.
6. Φεῦ τοῦ τοσοῦτου τῆς ὑπῆνης φορτίου.

7. Ὅση μὲν εἰς ἕκτασιν, εἰς εὖρος δ' ὄση,
8. ἀπλῶς δὲ πάσας τὰς διαστάσεις ὄση.
9. Ἐντεῦθεν, οἶμαι, κατακυπτάξεις, γέρον,
10. φέρεις δὲ καὶ κύρτωμα καὶ σφαιροῖς ῥάχιν·
11. ἢ γὰρ γενειὰς τὸν τράχηλόν σου κλίνει,
12. πολλή τις οὔσα καὶ βάρους οὐ μετρίου.
13. Δεῖλαιε, κεῖρε τὴν ὑψηλὴν τρίχα·
14. ἄθλιε, δρωπάκιζε τὰ πρόσωπά σου,
15. χρῆσαι ξυροῖς, ψαλίσι, γυμναῖς ἀξίναϊς,
16. σπάθαις, μαχαίραις, συμπαρέστω καὶ πρίων.
17. Ἐλευθέρωσον τὴν γένυν τοῦ φορτίου
18. ἐλευθέρωσον τοῦ βάρους τὸν αὐχένα.
19. Ὅρᾳς ὅπως κέκυφεν ἄθλιος κάτω,
20. καὶ σχηματισμὸν ἰκέτου δείκνυσί σοι,
21. οἶμαι, λιπαρῶν ἀνεθῆναι τοῦ βάρους.
22. Ἐκκοψον οὖν, μάταιε, τὴν τόσην τρίχα.
23. Εἰ δ' οὐχὶ ταύτην σὺ ξυρῆναι προφθάσεις,
24. Μένιππος ἐγγύς καὶ — γινώσκεις τὸν κύνα —
25. ναυπηγικὴν εὐθηκτον ἀξίνην φέρει·
26. χρήσει γὰρ ἡμῖν τοῦτον ὁ γλυκὺς Σύρος,
27. ἐκ τῶν ἑαυτοῦ δελτίων ἀποσπάσας.
28. Καί, τοῦ κυνὸς φθάσαντος, οὐαί σοι, τάλαν·
29. οὐ γὰρ μόνην σου τὴν ὑπήνην ἐκτέμη,
30. ἀλλὰ ξὺν αὐτῇ καὶ μέρος τῶν ὀφρύων.
31. Πλανᾶς σεαυτὸν καὶ ματαιάζεις, γέρον,
32. τὴν ἀδρότητα τῆς μακρᾶς γενειάδος
33. εἶναι νομίζων δεῖγμα φιλοσοφίας.
34. Ἦ γὰρ τὸν Ἀθήνηθεν ἄνδρα τὸν μέγαν,
35. τὸ τῶν λόγων αὐχνημα, τὸν θεολόγον,
36. τὸν ἄντικρυς νοῦν, τὴν ὑπὲρ φύσιν φύσιν,
37. τὸν υἱὸν Ἀρίστωνος, ᾧ κλήσις Πλάτων,
38. καὶ τὸν φυσικώτατον Ἀριστοτέλην,
39. τὴν τῶν Σταγείρων ἄκραν εὐετηρίαν,
40. καὶ τὸν πυρὸς πάρεργον Ἐμπεδοκλέα,
41. καὶ τὸν Σάμιον τῷ γένει Πυθαγόραν,
42. καὶ τὸν σπαρέντα Σωφρονίσκῳ Σωκράτην,
43. εἰ μὴ μακρὰς καθεῖντο καὶ γενειάδας
44. καὶ μέχρις αὐτῶν ἀστραγάλων ἰγμένας,
45. καὶ τῆς κινάβρας ἔπνεον καὶ τοῦ γράσου,
46. ἄστροις δ' ἀπεικάζοντο τοῖς πωγωνίαις,
47. ὅσον τὸ τοῦ πώγωνος, οὐ τὸ τοῦ φάους,
48. οὐκ ἂν σοφοὺς ἔφαμεν, οὐ φιλοσόφους,
49. οὐκ ἂν δικαίους καὶ καλοὺς καὶ κοσμίους;
50. Τί δ' ἂν τις ἀνήρ, συκοφαντίας γέμων,
51. ἰδεῖν μὲν αἰσχρὸς, αἰσχίων δὲ τὸν βίον,
52. ἄφρων, ἀμαθής, ἄλλος Ἀρχιβιάδης

53. ὁποῖον ὁ Πλούταρχος ἰστόρηκέ που,
54. πώγωνος ἐπλούτησεν ἄπειρον τρίχα,
55. ἤδη σοφὸς καλοῖτο καὶ σοφὸς μέγας;
56. Καὶ μὴν ἔτοιμος Φωκίων ὁ γεννάδας
57. ἀμφοῖν λαβέσθαι τοῦ πολυτριχωτάτου.
58. Εἶην στρατηγὸς Φωκίων ἐγὼ νέος
59. σοὶ τῷ καθ' ἡμᾶς ἐχθρὸς Ἀρχιβιάδη.
60. Εἰ γὰρ λαβοίμην τῆς παλαμναίας, γέρον,
61. τάχα ψιλὴν δεῖξαίμι τὴν ὄλην γένυν.
62. Ἄλλ' εἶπέ μοι, Θούκριτε, πεντάκις γέρον,
63. Ἰαπετέ, Κρόνιε τὴν ἡλικίαν·
64. εἰ δοῦλος ἔλθοι δραπέτης, μαστιγίας,
65. καὶ τὴν γρυῦ φωνὴν ἀγνοῶν λόγος λέγει,
66. φορεῖ δὲ καὶ πώγωνος ἀπείρου βάρους,
67. τίνα κρινεῖς ἐκείνον, ἔμπειρον λόγου;
68. Τῆς ὕβρεως φεῦ τῶν σοφῶν μαθημάτων.
69. Ἄλλ', οἷος ἐστί, μνάς τυχὸν πεπραμένον;
70. Τῆς ὕβρεως φεῦ τῆς μακρᾶς γενειάδος.
71. Δοκεῖς δέ μοι σὺ τὴν φιλόσοφον χάριν
72. τοῖς ἀγγελάρχαις προσνεμεῖν πλεον τράγοις,
73. εἰ τῷ γενεῖω τὸν λόγον περιγράφεις·
74. καὶ γὰρ γενειάσκουσιν εἰς βάθος τράγοι.
75. Ἄλλ' οὔτε τῷ πώγωνι δοῖμεν τὸν λόγον,
76. οὔτε τράγους τάξαιμεν ἐν φιλοσόφοις·
77. ὡς γὰρ φρονοῦσιν οὐ σοφὸς λέγοιτό τις
78. ποδῆρες ἱμάτιον ἐνδεδυμένος,
79. ἢ γοῦν ἐπ' αὐτῆς ἰγνύης ἐζωσμένος.
80. Οἷον Πλάτων ἄζωστος ἐν τῷ χθὲς χρόνῳ
81. μέσσην ἐπ' αὐτὴν ἤλθεν Ἀκαδημίαν
82. καὶ τοῖς μαθηταῖς τούσδε τοὺς λόγους ἔφη·
83. εἰ σήμερον ζώσαιτο καὶ ζωσθεὶς λέγοι,
84. οὐ τοῦ χθὲς ἂν Πλάτωνος ἔσται βελτίων·
85. οὐ γὰρ στολαὶ κρίνουσι τοὺς ἐν τοῖς λόγοις,
86. οὐδ' ἑξαμοιβὴ ζώσματος καὶ βλαυτίου,
87. φύσις δὲ γοργὴ καὶ μάθησις βιβλίων,
88. ἀπόκρισις καὶ πεῦσις εὐλογωτάτη.
89. Οὕτω βαθεῖς πώγωνες οὐδὲν εἰς κρίσιν
90. λόγου μαθητῶν καὶ διδασκάλων λόγου.
91. Ἄνθρωπε, κἂν σύμαπασα φιλοσοφία
92. τῆς σῆς ἀπηώρητο γοῦν γενειάδος,
93. ἔδει σὲ ταύτην ἐκτεμέσθαι καὶ πάλιν,
94. ὡς τὴν ἀπ' αὐτῆς ἐκφύγης ἀκοσμίαν·
95. ὡς γὰρ μελῶν ὁ κόσμος ἐκ συμμετρίας
96. χειρῶν, ποδῶν, ἅπαντος ἀπλῶς σαρκίου,
97. αἰ συστολαὶ δὲ καὶ παρεκτάσεις ὄλαι
98. ἀκοσμίαν φέρουσιν ὡς καὶ κακίαι,

99. οὕτω γενείου σεμνότης συμμετρία.
 100. Πάντων ἄριστον μέτρον ἀρχαῖος λόγος.
 101. Ἄλλ', ὦ φίλον γένειον, ἀκμαζε πλέον,
 102. πρόκοπτε πάντη, μηκύνου, διευρύνου,
 103. καὶ συγκατάπλα τὴν ῥάχιν τοῦ πεμπέλου,
 104. ἕως παραθραύσεως αὐτὸν εἰς τέλος.

1. Против длиннобородого старца, считающего себя от этого мудрым

2. О-го-го! Какая густая борода
 3. спускается до самого пояса¹
 4. у дряхлого и вонючего Фукрита²!
 5. О-го-го! Какой козлиный смрад и невытая вонь³!
 6. Да уж, какая тяжелая окологубная ноша.
 7. И как же вытянулась она и раздулась,
 8. и прямо сказать, разошлась сразу по всем направлениям.
 9. От сего, думаю, старец, ты и склоняешься долу,
 10. носишь ты горб, а поясницу круглишь.
 11. Ибо борода шею твою клонит,
 12. такая огромная и безмерно тяжелая.
 13. Несчастный, состриги же эти окологубные волосы!
 14. Мучениче, ну ощипли ты с воском лицо⁴!
 15. Воспользуйся бритвами, ножницами, обнаженными топорами,
 16. мечами, ножами, да поможет тебе и пила⁵!
 17. Освободи свою нижнюю челюсть от груза,
 18. освободи от бремени выю свою.
 19. Видишь, как мученик припадает ниц
 20. и в образе молитвенника является тебе.
 21. думаю, испрашивает он свободиться ему от бремени тяжелого груза.
 22. Болван, так просто обрежь свои длинные лохмы.
 23. Если не сможешь состричь их раньше,
 24. Менипп с тобой рядом (знаешь этого киника)⁶
 25. несет корабельный острый топор.
 26. (ибо такого предоставит нам сладкий Сириец⁷,
 27. извлекая из своих собственных писаний)⁸.
 28. И, как только настигнет тебя этот киник, горе тебе, бедолага,
 29. ибо не только усы твои обрежет,
 30. но вместе с ними и часть бровей.
 31. Заблуждаешься ты и безумствуешь, старче,
 32. густоту длинной бороды
 33. почитая за проявление философии.
 34. Неужели и, правда, если бы тот самый Афинянин, великий муж,
 35. слава наук, богослов,
 36. всесторонний ум, чья природа превыше самой природы,
 37. и сын Аристона, по кличке Платон,
 38. и природоискуснейший Аристотель,
 39. вершина процветания Стагир,

40. и служащий огню Эмпедокл,
41. и Самиец по роду Пифагор,
42. и порожденный Софрониском Сократ,
43. не отпустили бы длинные бороды
44. вплоть до самых лодыжек,
45. и не испускали бы запах козла и зловоние грязного тела,
46. и не походили бы на бородатые кометы⁹,
47. (в том что касается бород, а не света),
48. то разве, мы бы тогда не называли их мудрецами и философами,
49. и не считали бы их праведными, и благими, и порядочными?
50. И что, если некий муж, законченный сикофант,
51. с безобразным видом и с еще более безобразной жизнью,
52. недоумок, неуч, второй Архибиад¹⁰,
53. (о котором как-то поведал Плутарх),
54. обзавелся бы безмерной волосатостью лица,
55. то сразу же стал бы называться мудрым и великим мудрецом?
56. Но, конечно, готов благородный Фокион¹¹
57. обеими руками схватить волосатого.
58. И буду я этим новым стратегом Фокионом
59. для тебя, враг наш, Архибиад.
60. И если я за тебя возьмусь, старче,
61. быстро я обнажу твои голые щеки.
62. Но скажи мне, Фукрите, пятикратностарый,
63. Иапет, Кронос по летам,
64. Если придет беглый раб, достойный плети,
65. который, как говорится, ни бэ, ни мэ не может связать,
66. но при этом носит бороду невероятной тяжести¹².
67. И что, будешь ты такого считать опытным в рассуждении?
68. И что за глумление над учениями мудрецов!
69. Такого ведь, наверно, за одну мину можно купить.
70. И что за глумление над длинной бородой!
71. Кажется, что ты философскую благодать
72. считаешь признаком более свойственным козлиным вождям¹³,
73. если ты описываешь ученость бородой,
74. ибо борода у этих козлов сразу отрастает большой¹⁴.
75. Мы же не наделим бороду ученостью,
76. и козлов не поставим в один ряд с философами.
77. ибо у рассудительных никто не говорит, что мудрый —
78. это тот, кто одет в гиматий до пят
79. или, по крайней мере, опоясан под коленными чашечками.
80. И, правда, ведь Платон непрепоясанный в те вчерашние времена¹⁵,
81. придя в самое сердце Академии,
82. ученикам таковые речи говорил.
83. Если бы он сегодня препоясался бы и препоясанный начал говорить,
84. то не был бы он лучше вчерашнего Платона.
85. Ибо не наряды отличают тех, кто занимается науками,

86. и не смена поясов и туфель,
 87. а естественная острота ума и изучение книг,
 88. и самые разумные ответы и вопросы.
 89. Таким образом, по величине бороды нельзя судить
 90. ни об учености учеников, ни об учености учителей.
 91. Человече, даже если вся философия
 92. твоя была бы подвешена к бороде,
 93. необходимо было бы тебе ее постоянно подрезать,
 94. чтобы избежать беспорядка от нее.
 95. Ибо упорядоченность членов происходит из симметрии
 96. рук, ног, да и всей плоти,
 97. все сокращения и расширения
 98. несут как беспорядочность, так и непригодность,
 99. таким образом, достоинство бороды — это симметрия.
 100. Есть древнее изречение: «Всё хорошо в меру»¹⁶!
 101. Впрочем, моя любезная борода, процветай дальше,
 102. увеличивайся во все стороны, удлинйся, расширяйся,
 103. увлекая за собой вниз спину этого старого деда,
 104. пока он, наконец, не разобьется вдребезги.

КОММЕНТАРИИ

¹Дословно до проколпия (μῆχρη τοῦ προκολλίου), представлявшего собой сложенный кусок материи в виде мешочка, который киники привязывали к поясу [14].

²Имя Фукрита встречается и в сатире Продрома «О сладострастной старухе». см. *In anum libidinosam*, 2. У Лукиана встречается в *Dialogi mortuorum*, dial. 16 § 5.

³κινάβρα' и 'γράσος' — и то, и другое слово означает 'запах козла', но первое слово обычно употребляется по отношению к бороде, похожей на козлиную, а вторым описывается запах человеческого пота. См. *Bis accusatus sive tribunalia*, 10.15; *Dialogi mortuorum*, dial. 20 § 9.11.

⁴δρωλάκιζε означает 'удалять волосы с помощью дропака', дропак представлял собой некий клейкий и застывающий состав, позволявший проводить депиляцию.

⁵Аллюзия на изречение из «Греческой антологии», которое приписывается императору Юлиану Отступнику, который также был автором «Мисопогона». См. *Anthologia Graeca*, 11.368.

⁶Менипп — кинический философ III в. до н. э., также прославившийся как сочинитель сатир.

⁷Сирийским ритором называли Лукиана.

⁸Здесь Продром делает аллюзию на сочинения Лукиана: *Menippus sive necyomantia*, *Icaromenippos*, *Dialogi mortuorum*.

⁹ἄστροις δ' ἀλεκάζοντο τοῖς πωγωνίαις — дословно 'похож на бородатые звезды', так греки называли кометы.

¹⁰См. *Phocion*, 10, где Плутарх рассказывает об Архибиаде, жившем в Афинах, который носил огромную бороду и философский плащ, а также всегда имел мрачный вид. И вот этого Архибиада Фокион схватил в народном собрании за бороду, поскольку тот не поддержал его перед афинянами.

¹¹Фокион — афинский политический деятель IV в. до н. э., которому посвятил рассказ Плутарх. См. *Phocion*, 10. (12) О таком рабе с густой бородой, выдававшем себя за философа, рассказывает Лукиан в «Беглых рабах». См. *Fugitivi* § 27.

¹³Пан был предводителем хора козлов, ставшего прототипом трагедии (т. е. 'козлиной песни'). У него, как известно, сразу же после рождения отросла большая козлиная борода.

¹⁴Здесь, в отличие от других мест, Феодор Продром намеренно использует наименование козла 'τράγος', чтобы подчеркнуть, что он имеет в виду козлов, певших пьяные песни на дионисийских торжествах.

¹⁵Поясом в древней Греции препоясывали хитон, поверх которого носился гиматий (плащ), но философский образ ношения одежды предполагал ношение гиматия на голое тело, что подразумевало обхождение без пояса, т. к. в гиматий просто заворачивались.

¹⁶πάντων μέτρον ἄριστον — всего лучше мера. Суда приписывает это изречение Клеобулу. См. *Suda*, карра, № 1719.10. Также встречается среди изречений псевдо-Фокилида, см. *Sententiae* 36, 69b.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Anthologia Graeca — *Anthologia Graeca* / ed. H. Beckby: in 4 vols. — Munich: Heimeran, 1965–1968.

Lucianus, *Bis accusatus sive tribunalia* — Lucian / ed. A. M. Harmon. — Vol. 3. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1921. — P. 84–150.

Lucianus, *Dialogi mortuorum* — Lucian / ed. M. D. Macleod. — Vol. 7. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961. — P. 2–174.

Lucianus, *Fugitivi* — Lucian / ed. A. M. Harmon. — Vol. 5. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1936. — P. 54–98.

Lucianus, *Icaromenippos* — Lucian / ed. A. M. Harmon. — Vol. 2. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1915. — P. 268–322.

Lucianus, *Menippus sive necyomantia* — Lucian / ed. A. M. Harmon. — Vol. 4. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1925. — P. 72–108.

Plutarchus, *Phocion* — *Plutarchi vitae parallelae* / ed. K. Ziegler. — Vol. 2.1. — Leipzig: Teubner, 1964. — P. 1–31.

Pseudo-Phocylides, *Sententiae* — *Theognis* / ed. D. Young (post E. Diehl). — Leipzig: Teubner, 1971. — P. 95–112.

Suda, *Lexicon* — *Suidae lexicon* / ed. A. Adler: in 4 vols. [=Lexicographi Graeci 1.1–1.4]. — Leipzig: Teubner, 1928–1935.

Theodorus Prodromus, *In anum libidinosam* — Migliorini T. *Gli scritti satirici in greco letterario di Teodoro Prodromo: introduzione, edizione, traduzione e commenti*: Ph D. — Pisa, 2010. — P. 3–7.

ЛИТЕРАТУРА

1. Anastasii R. *Prodromea* // *Siculorum Gymnasium*. — 18. — 1965. — P. 164–172.
2. *Anecdota nova* / descripsit et annotavit J. F. Boissonade. — T. 4. — Paris, 1832.
3. Bréhier L. *La civilisation byzantine*. — Paris, 1950.

4. Dölger F. Zur Bedeutung von φιλόσοφος und φιλοσοφία in byzantinischer Zeit // F. Dölger, Byzanz und die europäische Staatenwelt: Ausgewählte Vorträge und Aufsätze. — Ettal, 1953. — S. 197–208.

5. Kucharski J., Marciniak P. The beard and its philosopher: Theodore Prodromos on the philosopher's beard in Byzantium // *Byzantine and Modern Greek Studies*. — 2017. — Vol. 41, is. 1. — P. 45–54.

6. Marciniak P. Reinventing Lucian in Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers*. — 2016. — Vol. 70. — P. 209–223.

7. Migliorini T. Gli scritti satirici in greco letterario di Teodoro Prodromo: introduzione, edizione, traduzione e commenti: Ph D. — Pisa, 2010. — P. 19–28.

8. Quiroga A. Julian's Misopogon and the subversion of rhetoric // *Antiquité Tardive*. — 2009. — Vol. 17. — P. 128–129.

9. Rautman M. *Daily Life in the Byzantine Empire*. — Westport, Conn., 2006.

10. Romano R. La satira bizantina dei secoli XI–XV. Il patriota, Caridemo, Timarione, Cristoforo di Mitilene, Michele Psello, Teodoro Prodromo, Carmi ptocoprodromici, Michele Haplucheir, Giovanni Catrara, Mazaris, La messa del glabro, Sinassario del venerabile asino. — Torino, 1999.

11. Sellars J. *The Art of Living. The Stoics on the Nature and Function of Philosophy*. — London, 2003.

12. Tougher S. Bearding Byzantium: masculinity, eunuchs and the Byzantine life course // *Questions of Gender in Byzantine Society* / eds. B. Neil and L. Garland. — Farnham, 2013. — P. 153–166.

13. Zanker P. *The Mask of Socrates: The Image of the Intellectual in Antiquity*. — University of California Press, 1995.

14. Lee M. Problems in Greek Dress Terminology: kolpos and apopygma // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. — 2004. — Vol. 150. — P. 221–224.